* * *

Если ночью услышу — гремят
поезда,
Буду думать всегда о тебе,
Жёлтый свет фонарей и вода,
как слюда,
В белокаменной слободе.
По карманам гоняю холодный
алтын,
Погадать на тебя или нет?
Переулок вдыхает туман,
мокрый дым
И скрывает внутренний свет.
А потом, словно враг, нападёт
пустота
С острым лезвием зимней
тоски,
Жизнь — как пуговица, что
пришита не та,
Скоро инеем стянет виски…
Простою до утра, прислонившись
к стене,
В окруженье железных оков,
Чтобы сердцем услышать
в глухой тишине
Звук знакомых любимых
шагов.

* * *

Когда весь мир расчерчен на
квадраты
Холодным ветром осени,
скользит
Листва безвольно черепичным
скатом,
И в шорохе том слышится
санскрит —
В твоих речах, немолкнущей
браваде,
В чернильных пятнах на худых
руках…
А птицы над Нескучным
мёрзлым садом
Кричат на вавилонских языках.
И кажется, что это не смятение,
А вечный спутник для твоей
души,
Которая не жаждет воскрешения
И никуда, пожалуй, не спешит.

ЗИМА В ГАГРАХ

Как присолен асфальт у
бульвара!
Лёгкой пылью покрыт, словно
сон.
В полосатой палатке «Тамара»
Пьёшь горячий куриный
бульон.
В зимних Гаграх на улицах
гулки
Одиноких прохожих шаги.
Ты закуришь в сыром переулке,
Где в тумане не видно ни зги.
Будешь долго ходить по
бульвару,
Пальмы мокрые в море глядят.
На балконе в халате Тамара?
Впрочем, мало ли в Гаграх
девчат…
В лёгких — холод и запах
магнолий,
А на сердце тревога и жуть.
Будто с крашеных стареньких
кровель —
Лихорадки любовная ртуть.
Нужно взять себя в руки,
напиться
Дорогого сухого вина.
И в подарок — красивого ситца,
Вдруг Тамара сегодня одна?
Синеглазые лодки развесив
На трясущихся мокрых плечах,
Море пенится бешеной песнью,
Рукоплещущим эхом в горах.

РАЗГОВОРЫ СТЕПНОГО ВЕТРА

У реки — тишина и холод,
А в степи — озверевший ветер
Васильки наклоняет долу,
Бьёт по ирисам, пылью вертит.
Я со степью, наверное, схожа,
Красотой не хвалюсь,
смиреньем,
На, бери меня, если сможешь,
Понедельником, воскресеньем.
На подушках, в шатрах,
в полыни,
У дороги язык горчичный.
Мужем будешь ты мне отныне
И любовником приграничным.
На Урале найдём мы лодку,
Поплывём по сомам и звёздам,
Запивая вином и водкой,
Что минуло и помнить поздно.
Маки красные — кровь и степи,
Горизонт тетиву срывает,
Что же ты закрываешь веки?
Руку дай, я иду по краю.

* * *

Тени мечутся по асфальту,
дай мне руку, зажмурь глаза.
Синий вечер холодной смальтой
в небе выложил образа.
Ледяною ладонью ветер
по прохожим наотмашь бьёт.
Словно нету тепла на свете,
словно лето и не живёт.
А в карманах не мёрзнут руки,
если вместе смеяться, петь.
Нам неведома боль разлуки,
ревность — злая рыбачья сеть.
Улиц белые полотенца —
до утра не истопчешь лён.
Первый снег похож на младенца
или детский весёлый сон.
А под свитером грубой вязки,
где на нити дрожит звезда,
сердце тянет червонной краской
для любви свои провода.
Словно ижицею, колеблясь
в тёмный утренний сонный час,
уцепился за них троллейбус
и везёт потихоньку нас.

СОЛЬ-ИЛЕЦК

На рельсах соль, на коже соль,
и горизонт
зарос полынью и от солнца лёг
в пунктир.
Дрожит над пляжем кружевной
небесный зонт,
и зазывает пенной пристанью
трактир.
По берегам, позёмкой белою
шурша,
шагает чайка, в крике разевая
клюв,
и бесприютной кажется душа,
фонарь китайский огоньком
раздув.
Разносит ветром пыль, чужую
речь,
в движенье вечном колесо
судьбы,
и только ночью некому стеречь
солёный привкус раненой губы.

СТАРАЯ КАЛИТКА

Ветром принесло, к щеке
прилип
виноградный лист, от крика
красный.
Заросли из мяты. Петель скрип
у калитки ржавой, где напрасно
осень надышала на ключи.
Не закрыть ворота — вот причина
слёз холодных, и теперь молчи,
сигарету жги до середины,
обжигая пальцы на ветру,
медь, вода — на треть уже
испето,
превращай серьёзное в игру,
как велит несбывшееся лето.
Как велят на стыке поездов,
завернувшись в простыни
плацкарта,
откровенья полиморфных снов,
козырь превратив в четыре
карты.
У калитки старой тяжкий нрав,
сладить с ней, поверь, — уже
полдела!
Не ищи среди высоких трав,
что прошло, пускай не отболело.
Вмиг озябших, словно воробьи,
облаков летучих серый полдень
Мокрыми мазками тихо длит
и пространство жалобой
наполнит.

ВЕЧЕРНЕЕ

Замолчи, сверчок, не нужно
звона!
Спрятался куда-то под
кровать…
В небе накрошили поролона
Синие чернила промокать.
Что с того, что ты поёшь
сердечно,
В мятный запах окунув
фальцет?
Всё проходит, и любовь не
вечна,
И не нужно истин, если нет.
Плакать ли о том, что он
хороший,
Бить ладонью горько по столу?
Летняя трава стоит
нескошенной,
Ветром завивается в юлу.
Дочь ветров — печалиться
не стану,
Слёзы сохнут, поцелуй горит.
У реки — асфальта автобана
Жизнь ночная, уличный зенит.
Не приедешь, поезда не ходят,
Нет угля, замёрзли провода?
У тебя не сердце, а просодия,
У меня — горячая звезда.
Только говори, а не молчи!
У стихов — не слоги, а лучи.

* * *

Если снег разлучит нас
холодной своей полосой,
словно жесть подоконника,
ветром жестоким раздетой,
Я останусь стоять
И, поверь, не пойду за тобой
по шершавым камням
прошлогоднего жаркого лета.
Я останусь стоять
за чертою безвизовых рек,
где чужие созвездия
светят сквозь сжатые веки,
где каштаны и пальмы
отроду не видели снег
и где люди не знают,
что можно влюбиться навеки.
На прощание спой,
а потом я уйду в никуда,
там не носят пальто
и разлука не пишется слитно,
и на мельнице времени
в лёд превратится вода,
если снег разлучит нас…